ЛМ
П62

А. Г-въ.

Послѣ войны.

Германизмъ и Славянство.

Условія мира.

Цѣна 40 коп.

Книжный магазинъ б. МЕЛЬЕ и К°.
Петроградъ, Невскій пр., 20.
1915.

XXIV
3106
и
XXIV
61589

ЛМ
П 62

А. Г-въ.

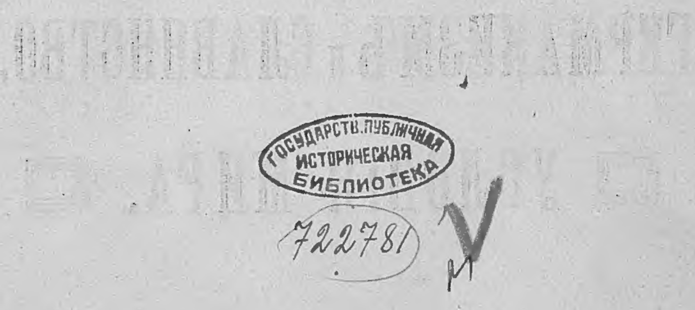
ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

ГЕРМАНИЗМЪ и СЛАВЯНСТВО.

УСЛОВІЯ МИРА.

Книжный магазинъ б. МЕЛЬЕ и К°.
Петроградъ, Невскій пр., 20.
1915.

2 экз

Типографія А. Н. Лаврова и Ко., улица Гоголя № 9.

I.

Если во время мира, хотя бы и самаго глубокаго и безмятежнаго, нельзя ни на одну минуту забывать мудрое правило „помни о войнѣ“, то, съ другой стороны, и во время войны, хотя бы и самой ожесточенной и безпощадной, можно менѣе всего считать неправильнымъ—не для тѣхъ, конечно, кого окружаетъ огонь смертоносныхъ боевъ, но, во всякомъ случаѣ, для тѣхъ, кто будетъ опредѣлять, въ концѣ концовъ, ихъ результаты, парафразъ этого правила:—„помни о мирѣ“, о тѣхъ единственно возможныхъ будущихъ его условіяхъ, которыя должны послужить прочными основаніями для плотины отъ новыхъ потоковъ заливающей Европу крови.

Война, конечно, не является вѣдь никогда самоцѣлью. Война—лишь путь, которымъ народы приходятъ къ обезпеченію мира. Война ведется для пріобрѣтенія мира—эта формула бл. Августина не только не утратила своего значенія, но едва ли она принадлежала ей когда-нибудь въ большей

степени, чѣмъ теперь. Съ другой же стороны, не одну только игру словъ представляетъ собою извѣстное каждому, кто помнитъ загорающееся, въ особенности въ настоящія минуты, новыми искрами своей безсмертной жизни великое твореніе Толстого, остроумное слово одного изъ живыхъ лицъ „Войны и Мира“ о томъ, что „войну рѣшаетъ не порохъ, а тѣ, кто его выдумали“. Исторія знаетъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно слишкомъ много примѣровъ того, насколько далеки оказывались нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній отъ совершенства, когда тѣ, отъ кого они исходили, неспособны были „выдумывать порохъ“. Какъ ни можетъ казаться несоразмѣрнымъ или несправедливымъ то, что результаты пролитія рѣкъ крови опредѣляются, въ концѣ концовъ, не тѣми, кто ихъ проливаетъ въ дыму и въ туманѣ порохового огня, а тѣми, кто обсуждаетъ ихъ, сидя въ покойныхъ креслахъ, за столомъ, покрытымъ цвѣтнымъ сукномъ, однако, въ дѣйствительности, это явленіе неизбѣжное, такъ какъ предполагается, что участники подобнаго собранія лучше, чѣмъ кто бы то ни было, должны и могутъ быть подготовлены къ оцѣнкѣ результатовъ войны и къ закрѣпленію ихъ въ интересахъ мира. Недостаточная ясность въ мысляхъ или въ познаніяхъ у этихъ людей страшнѣе всякаго порохового тумана, если,—какъ тому, къ сожалѣнію, бывали примѣры, рѣки пролитой крови

сводятся иногда на нѣтъ изъ-за неосвѣдомленности о географическомъ положенiи на картѣ рѣки, опредѣляемой въ качествѣ границы между територiями двухъ государствъ.

Доказывать, при этихъ условiяхъ, необходимость тщательнѣйшаго изученiя всего вѣроятнаго соотношенiя политическихъ силъ участниками будущаго конгресса или конференцiи,—которые, къ слову сказать, должны были бы быть намѣчены теперь же и уйти всецѣло въ подготовку ожидающей ихъ величайшей задачи,—значило бы ломиться въ открытую дверь. Съ другой же стороны, нѣтъ, конечно, другой силы, которая могла бы имъ больше помочь въ этомъ, чѣмъ выразительница общественнаго мнѣнiя—печать. И поэтому долгъ каждаго, кто можетъ дѣйствовать этимъ путемъ,—не замыкать въ себѣ своихъ мыслей. Онѣ, конечно, могутъ быть ошибочны, но вѣдь не ошибается въ своихъ мысляхъ только тотъ, кто ничего не думаетъ, а въ ихъ выраженiи—только тотъ, кто ничего не говоритъ.

О томъ, въ какой мѣрѣ настоящая война есть, прежде всего, долго и давно ожидавшаяся борьба двухъ мiровъ—германскаго и славянскаго,—распространяться, конечно, не приходится. Правда, что при томъ чуть ли не всемiрномъ характерѣ, какой прiобрѣла война уже съ ея первыхъ дней, каждому изъ ея участниковъ можетъ казаться, что

война представляетъ собой, прежде всего, борьбу между Германіею и тою именно державой, съ точки зрѣнія которой образуется сужденіе о значеніи этой войны. Съ точки зрѣнія Англіи,—это война за господство на моряхъ, на которое, какъ нынѣ оказывается, столь же неосновательно, сколь и шумно и крикливо заявляла всѣ послѣдніе годы свои притязанія Германія Гогенцоллерновъ. Съ точки зрѣнія Франціи, настоящая война есть, конечно, прежде всего „revanche", та державшая ее почти полстолѣтія въ величайшемъ напряженіи идея отомщенія за поруганную, при Наполеонѣ III, честь, для которой территоріальныя границы Эльзаса и Лотарингіи служатъ вещественнымъ воплощеніемъ. Однако, война началась не между Франціей и Германіею, и не между Германіею и Англіею, а именно между Германіею и Россіею. И это, конечно, не простая случайность, какъ не случайность и то, что она началась не изъ-за чего-нибудь иного, а именно въ защиту, со стороны Россіи, славянскаго міра отъ новаго, еще безпримѣрнаго дотолѣ, насилія, которое готовился совершить германскій міръ Гогенцоллерновъ по отношенію къ одному изъ слабѣйшихъ членовъ міра славянскаго. Въ силу особенности, обычной у тѣхъ, у кого высота духа стоитъ далеко не на уровнѣ внѣшняго могущества, Германія Гогенцоллерновъ въ своихъ отношеніяхъ съ тѣми, кого

она считала достаточно сильнымъ, не только не искала конфликтовъ, но, напротивъ того, дѣлала все, что отъ нея зависѣло, чтобы снискать себѣ расположеніе этихъ возможныхъ своихъ противниковъ. У всѣхъ еще въ памяти та неожиданная даже уступчивость, какая была проявлена Германіею въ извѣстномъ Агадирскомъ инцидентѣ, и которая была бы мало понятна, если бы Германія хотѣла дѣйствительно довести дѣло до вооруженнаго столкновенія съ Франціей. А что касается Англіи, то достаточно сказать, что Вильгельмъ II положительно правъ, съ своей точки зрѣнія, когда, чуть ли не плагіатизируя извѣстныя слова Императора Николая Павловича о роли Австріи во время крымской кампаніи, говоритъ о томъ, что Англія... удивила его своею неблагодарностью. Смѣшивая личныя отношенія между Монархами съ отношеніями между ними, какъ Главами Государствъ, несущими передъ Богомъ и своими народами обязанности охраненія ихъ интересовъ, Вильгельмъ II имѣетъ всѣ основанія удивляться тому, какъ могла выступить противъ него Англія, послѣ того какъ его братъ совершалъ чуть ли не правильные рейсы между Гамбургомъ и Лондономъ, чтобы поддерживать родственныя отношенія между кузенами.

И если выступила Франція, если выступила Англія, то это произошло не потому, чтобы за-

тронуты были ихъ непосредственно осязательные интересы, а, прежде всего, потому, что Германіею взята была слишкомъ уже высокая нота на ея антиславянской скрипкѣ въ томъ концертѣ, которымъ она уже почти полвѣка завораживала всю Европу. Для Франціи и, въ особенности, для Англіи, напряженное состояніе въ отношеніяхъ между германскимъ міромъ и славянскимъ, начавшееся не со вчерашняго дня, давно уже являлось естественнымъ барометромъ того политическаго давленія, „право" на которое присвоила себѣ Германія Гогенцоллерновъ. Съ этой точки зрѣнія, не осталась безъ своего положительнаго значенія даже и та выдержанность, какая обнаружена была руководителями нашей внѣшней политики, которымъ нерѣдко вмѣнялись въ вину имѣвшіе въ послѣдніе годы мѣсто случаи недостаточно активнаго отношенія къ посягательствамъ германскаго міра на права и интересы міра славянскаго. Для непосредственнаго чувства здѣсь могли быть, конечно, достаточныя основанія къ недовольству. Но съ точки зрѣнія общаго реальнаго соотношенія силъ едва-ли можно утверждать хотя бы съ какою-либо долею увѣренности, что если бы Россія мобилизовалась послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины или даже въ связи съ балканской войною, то она и тогда могла бы имѣть рядомъ съ собою, плечомъ къ плечу противъ германскаго

міра, и Францію, и Англію. Быть можетъ, именно лишь столь наглядно доказанная за послѣдніе годы полнѣйшая выдержанность Россіи явилась залогомъ дѣятельнаго сочувствія ей со стороны тѣхъ державъ, которыя, не надо забывать этого, еще такъ недавно склонны были усматривать какой-то личный интересъ въ каждомъ движеніи ея мысли въ сторону славянскаго міра, олицетворявшагося до послѣдняго времени созданными ею балканскими государствами. Исторія забывается слишкомъ скоро, но, съ другой стороны, слишкомъ недавни еще времена Берлинскаго Конгресса, чтобы можно было забыть о томъ недовѣріи, какое русская политика внушала къ себѣ Англіи, и о тѣхъ натянутыхъ между нею и Россіею отношеніяхъ, конецъ которымъ былъ положенъ лишь соглашеніемъ о Персіи, разсѣявшимъ тяжелый, давившій эти отношенія туманъ легенды о походѣ на Индію.

Было бы поэтому несправедливо отрицать теперь серьезнѣйшія заслуги руководителей нашей внѣшней политики, которымъ Россія обязана тѣмъ, что въ грозный часъ рѣшенія величайшихъ историческихъ судебъ она не только не осталась одинокою, но, благодаря дипломатической подготовкѣ, основанной на простѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ, какъ и слѣдовало ожидать, принципахъ политики,—сдержанности, обезпечивающей довѣріе къ политиче-

ской честности,—оказалась въ самомъ центрѣ тѣснаго кольца союзниковъ въ той великой войнѣ, которая, по справедливости, будетъ называться „Войною Народовъ“, какъ названа была „Битвою Народовъ“ знаменитая битва при Лейпцигѣ, положившая конецъ кошмару наполеоновскихъ войнъ.

Несомнѣнная правда и то, конечно, что никто въ большей мѣрѣ не способствовалъ созданію этой дипломатической подготовки, чѣмъ сама же Германія Гогенцоллерновъ, въ особенности, въ послѣдніе моменты передъ войною и при самомъ ея началѣ. Эта Германія сдѣлала дѣйствительно тотъ шагъ отъ Бисмарка къ Вильгельму II-му, который отдѣляетъ геній отъ неразумія: нарушеніемъ нейтралитета Бельгіи, столь неожиданно воскресившей подъ Льежемъ въ памяти міра древніе образы Спарты и Ѳермопилъ, она сдѣлала все отъ нея зависѣвшее, чтобы Англія не осталась безучастною къ пренебреженію тѣмъ старымъ пожелтѣвшимъ „клочкомъ бумаги“, договоромъ о нейтралитетѣ Бельгіи 1839 года, котораго не посмѣлъ коснуться въ 70-мъ году самъ Бисмаркъ.

Начиная войну противъ Франціи, Германія имѣла передъ собою два наступательныхъ пути: одинъ—въ лобъ той непрерывной линіи крѣпостей, которою Франція послѣ 1870 года отдѣлила себя, какъ новою китайскою стѣною, отъ своей „доброй сосѣдки“. На этомъ пути Германію ожидало, ко-

нечно, сопротивленіе слишкомъ сильное и хорошо организованное, чтобы можно было передъ нимъ не призадуматься. Вильгельмъ II-ой, конечно, и призадумался и, въ результатѣ, его осѣнила блестящая мысль: вмѣсто того, чтобы идти этимъ путемъ, подъ огонь непрерывнаго ряда французскихъ крѣпостныхъ орудій, не проще ли дѣйствительно войти во Францію просто по ровному полю—бельгійскому. Бельгія, правда, страна нейтрализованная въ силу общеевропейскаго договора. Но что такое договоръ? Клочекъ бумаги и ничего больше. Стоитъ ли дѣйствительно задумываться надъ такими пустяками?

Оказалось, однако, что, не говоря уже о томъ неожиданномъ геройскомъ сопротивленіи, какимъ загорѣлась въ защиту неприкосновенности своей территоріи сама Бельгія, „клочекъ бумаги" стоилъ Германіи едва ли не всей линіи китайской стѣны французскихъ крѣпостей. За этимъ „клочкомъ бумаги" оказались чудеснымъ образомъ скрытыми всѣ линіи морскихъ крѣпостей Англіи, и прикосновеніе къ „клочку бумаги" обошлось Германіи едва ли не дороже всѣхъ потерь, которыя она понесла бы на линіи французскихъ крѣпостей, если бы она не соблазнилась фактическою, какъ ей казалось, возможностью игнорировать „клочекъ бумаги". И если когда нибудь парижане будутъ украшать свои площади памятниками въ честь

этой войны, то справедливость требовала бы, чтобы наряду съ памятникомъ городу Льежу и вступившимъ въ самомъ началѣ войны въ Восточную Пруссію русскимъ корпусамъ, которые помѣшали Вильгельму II-му пообѣдать въ назначенный срокъ въ Елисейскомъ дворцѣ, былъ поставленъ также и памятникъ договору 1839 года о нейтрализаціи Бельгіи, который автоматически присоединилъ къ линіи сухопутныхъ крѣпостей Франціи нѣсколько линій британскихъ морскихъ крѣпостей, отрѣзавшихъ Германію отъ всѣхъ морскихъ путей подвоза и угрожающихъ ей перспективою, раньше или позже, поставить ребромъ вопросъ о тысячахъ и сотняхъ тысячъ обѣдовъ въ странѣ державнаго ницшеанца.

„Клочекъ бумаги" оказался, для сверхъ-Бисмарка и сверхъ-Наполеона, ящикомъ Пандорры. И параличомъ всего германскаго флота подтвердила на дѣлѣ старая „владычица морей" мечтателю о могуществѣ Германіи на водахъ слово напоминанія ея посла сэра Эдуарда Гошена о томъ, что на этомъ „клочкѣ бумагѣ" подпись Англіи, что въ немъ—ея честь.

II.

Настоящая война есть вообще, для Великихъ Державъ, прежде всего, война чести. Ее называютъ

уже иногда войною освободительною. Но если ее и можно такъ называть, то, конечно, не въ буквальномъ для этихъ державъ смыслѣ, а лишь въ переносномъ, т. к. въ ней если и идетъ рѣчь объ ихъ освобожденіи, то лишь отъ того нравственнаго гнета, какимъ тяготила Германія весь міръ за послѣднія десятилѣтія. Самый поводъ къ этому всеміpному пожару, возникшему какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, съ уходомъ съ исторической сцены эрцгерцога Франца-Фердинанда, великая борьба между германскимъ и славянскимъ мірами могла казаться если не избѣгнутою, то надолго отодвинутою, — самый этотъ поводъ выросъ на томъ полѣ чести, на которомъ маленькая Сербія оказалась державою гораздо болѣе великою, чѣмъ Австро-Венгрія. И съ того момента, какъ Сербія на безпримѣрныя требованія своей, потерявшей отъ близости Берлина голову, сосѣдки, дала полный достоинства и съ трудомъ скрываемаго возмущенія отвѣтъ о готовности ея пожертвовать, для сохраненія мира, всѣмъ, кромѣ чести, — съ этого момента какъ будто бы данъ былъ поддержанный, прежде всего, Россіею, вытянувшеюся во весь свой ростъ на защиту чести Сербіи и своей чести, тотъ тонъ всему дальнѣйшему развитію событій, при которомъ, на-ряду съ борьбою противъ Германіи всѣхъ, кто принялъ въ ней участіе въ защиту правды и чести, началась и борьба

между самими же участниками противогерманской коалиціи,—благороднѣйшая борьба, соревнованіе въ благородствѣ, чести и мужествѣ.

Такою должна быть эта война чести до конца. И такою она будетъ уже по одному тому, что ни одна изъ Великихъ Державъ, принимающихъ въ ней участіе, не ищетъ себѣ отъ нея никакихъ личныхъ выгодъ и территоріальныхъ приращеній. Кромѣ вопроса объ Эльзасъ-Лотарингіи, который, какъ выше упомянуто, есть для Франціи, прежде всего, вопросъ чести, едва ли, какъ оно ни странно, эта величайшая въ исторіи война будетъ сопровождаться дѣйствительно такими перемѣнами въ картѣ Европы въ смыслѣ перехода территорій отъ одного государства къ другому, которыя непосредственно отвѣчали бы всей грандіозности борьбы. Франціи, кромѣ Эльзаса-Лотарингіи, не нужны никакія территоріи. Объ Англіи нечего и говорить, поскольку, конечно, дѣло касается Европы. Бельгія, вынесшая на себѣ страшную тяжесть перваго удара и, конечно, заслужившая за это первое мѣсто въ ряду державъ, которыя не должны остаться безъ вознагражденія послѣ успѣшнаго, Богъ дастъ, окончанія войны, должна съ несомнѣнностью убѣдиться въ томъ, что и для дальнѣйшей охраны ея независимости „клочекъ бумаги“ значитъ больше, чѣмъ лишній клочекъ земли, и едва ли и можетъ быть склонна искать какого либо

вознагражденія, кромѣ своей крупной доли матеріальнаго вознагражденія, которое, вмѣстѣ съ подъемомъ отъ чувства глубокаго внутренняго удовлетворенія, должно обезпечить ей возрожденіе въ новомъ блескѣ ея культурнаго и промышленнаго преуспѣянія.

Извѣстныя „исправленія границъ", конечно, неминуемы и послѣ этой войны, потому что немыслимо, разумѣется, чтобы послѣ нея не стала бы, напримѣръ, частью Россіи Галицкая Русь, но истинный ея смыслъ и значеніе—не въ территоріальномъ перекраиваніи карты Европы, не въ присоединеніи тѣхъ или иныхъ территорій Германіи и Австро Венгріи къ территоріямъ другихъ Державъ, а въ дарованіи, прежде всего, славянскимъ народностямъ Австро-Венгріи, для которыхъ именно эта война и является освободительною въ настоящемъ смыслѣ этого слова, такого положенія, при которомъ славянскій міръ долженъ быть въ состояніи служить надежнѣйшимъ, для мира всего міра, противовѣсомъ міру германскому. При всемъ возможномъ увлеченіи нынѣшнимъ моментомъ, нельзя, конечно, забывать, что нѣмцы представляютъ собою историческую силу слишкомъ крупную, чтобы можно было говорить объ ихъ полнѣйшемъ разгромѣ. Всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы мѣсто теперешней Германіи Гогенцоллерновъ, прусской Германіи 70-го года, заняла

Германія прежняя, болѣе спокойная, и чтобы, въ предотвращеніе рецидива, былъ созданъ противовѣсъ ей достаточно сильный въ видѣ надлежащей организаціи славянскаго міра. Съ указанной только что точки зрѣнія, Габсбурги, при всемъ теперешнемъ безсиліи этой династіи въ лицѣ новаго эрцгерцога, представляютъ собою все же значительную историческую силу, едва ли не единственную, кромѣ, пожалуй, Баварской династіи, которая можетъ быть противопоставляема, въ глазахъ нѣмцевъ, династіи Гогенцоллерновъ, если бы только могъ пасть гипнозъ, созданный рукою все того же Бисмарка, успѣвшаго воспитать въ самихъ же Габсбургахъ, въ видѣ компенсаціи за Кениггрёцъ и Садову, лишившіе ихъ прежняго мѣста въ германскомъ мірѣ, абсурдное убѣжденіе въ томъ, что Габсбурги—чуть ли не славянская династія, будущее которой въ славянскихъ земляхъ, и что Боснія и Герцеговина должны быть ближе ихъ сердцу, чѣмъ Гессенъ или Ганноверъ.

Въ паденіи этого гипноза—опасность для Гогенцоллерновъ гораздо болѣе страшная, чѣмъ хотя бы и весьма значительныя территоріальныя потери, и если, до настоящей войны, мы, быть можетъ, сдѣлали ту ошибку, что не использовали того направленія, при которомъ „вѣрнѣйшій другъ Габсбурговъ“ Берлинъ, скорѣе всего, первый продалъ бы ихъ на почвѣ раздѣла Австро-Венгріи,

то теперь, послѣ всего уже совершившагося, всѣ усилія „выдумывающихъ порохъ“ должны быть направлены къ тому, чтобы на будущемъ конгрессѣ, для котораго развѣнчаніе Гогенцоллерновъ должно быть краеугольнымъ камнемъ всѣхъ его трудовъ, не остался безъ использованія въ этой рѣшительной дипломатической партіи тотъ крупный козырь, какой можетъ представлять собою историческая династія Габсбурговъ для той формы будущей Германіи, первообразомъ которой могла бы послужить эпоха Франкфуртскаго сейма и сохраненію которой болѣе всего и могла бы способствовать династія Габсбурговъ съ ея историческими традиціями, но съ небольшими территоріальными, только нѣмецкими, конечно, владѣніями.

Пусть Габсбурги снова станутъ германскою династіею. Если съ этимъ можетъ быть связано возвращеніе Германіи къ той ея прежней жизни, какою она жила вѣками и отъ которой она была совращена побѣдою Гогенцоллерновъ надъ Габсбургами, къ той прежней жизни, когда Германія была страною Шиллера и Гете, а не прусскаго кулака, то династія Габсбурговъ — сила несомнѣнно, слишкомъ крупная, чтобы въ общемъ расчетѣ политическихъ судебъ игнорировать ее въ качествѣ противовѣса Гогенцоллернамъ, если только не увлекаться слишкомъ широкими планами относительно полнѣйшаго политическаго

Государств. Публичная Историческая Библиотека

разъединенія Германіи, едва ли возможнаго послѣ всей ея исторіи XIX вѣка.

Указанное только что рѣшеніе вопроса, которое можетъ найти себѣ сильнѣйшую поддержку въ средѣ самихъ же германскихъ государствъ, фрондирующихъ противъ гегемоніи прусскаго кулака отъ первыхъ дней образованія Германіи Гогенцоллерновъ, должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчить лишеніе Габсбурговъ славянскихъ земель, которыя въ эпоху Франкфуртскаго сейма и были вѣдь искусно использованною Бисмаркомъ причиною утраты принадлежавшаго имъ вѣками перваго въ Германіи мѣста. А въ самостоятельной организаціи славянскихъ земель Австріи — ключъ не только къ разрѣшенію вѣковой борьбы между германизмомъ и славянствомъ, но также и къ обезпеченію на долгіе годы европейскаго мира и политическаго равновѣсія, такъ какъ главнѣйшая сила германизма и ея избытокъ, дающій почву для столь страшныхъ эксцессовъ, какъ послѣднія выступленія Германіи, основываются, прежде всего, на отсутствіи должной силы и организаціи славянскаго міра. И та самая Англія, которая болѣе всего препятствовала на Берлинскомъ Конгрессѣ возрожденію славянства и его организаціи, болѣе, чѣмъ какая-либо иная держава имѣла съ тѣхъ поръ случай убѣдиться въ томъ, насколько глубокая ошибка ею была тогда сдѣлана.

Какова, именно, должна быть эта будущая организація славянскаго міра,— это вопросъ слишкомъ сложный, чтобы теперь же касаться его въ подробностяхъ. Ограничусь пока лишь замѣчаніемъ о томъ, что въ наши дни, когда черезъ всю пропасть протекшихъ вѣковъ, у воротъ Львова и Галича подаетъ руку нашему вѣку вѣкъ князей Галицкихъ, и когда Галицкая земля, какъ спящая красавица въ сказкѣ, просыпается отъ тяжелаго многовѣкового сна, менѣе всего должна считаться утопіею возможность примѣненія къ славянскому міру той формы единенія, которую Бисмаркъ создалъ для Германіи, задавъ цѣлымъ поколѣніямъ государствовѣдовъ до сихъ поръ неразрѣшенную ими задачу объ отнесеніи этой государственной формы къ категоріи союза государствъ или союзнаго государства. Фортуна историческаго счастья никогда не прощаетъ тому, кто не умѣетъ использовать тотъ моментъ, когда она повернется къ нему лицомъ. Почему, въ концѣ концовъ, невозможно, чтобы подобно тому, какъ Пруссія, Саксонія, Вюртембергъ, Баварія и всякіе Рейсы старшіе и младшіе, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, составили въ совокупности своей Германію, образовалось бы подобное же Славянское Царство, въ которомъ Сербія, Черногорія, Болгарія были бы такими же его членами, какъ Саксонія, Вюртембергъ и Баварія являются членами Германіи, а

Россіи принадлежала бы среди нихъ — honny soit qui mal y pense — роль Пруссіи въ Германской Имперіи, та первенствующая роль, которая Россіи можетъ принадлежать въ славянскомъ мірѣ съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Пруссіи, еще такъ недавно вассалу прежней Польши,—въ германскомъ, если только не забывать, что нѣтъ въ мірѣ славянскаго государства, которое самымъ возрожденіемъ своимъ изъ тьмы вѣковъ чужого владычества не было бы обязано Россіи.

Если бы эта форма тѣснѣйшей единой организаціи славянскаго міра могла оказаться недостаточно назрѣвшею, то наименьшее, чѣмъ можно было бы ограничиться въ этомъ отношеніи, было бы образованіе въ немъ той самой организаціи, о допустимости которой послѣ войны упомянуто выше въ отношеніи міра германскаго. Если славянскому міру еще не приспѣло образовать организацію болѣе тѣсную и единую, чѣмъ міру германскому, то во всякомъ случаѣ она должна быть и не менѣе тѣсною, чтобы обезпечить Европѣ прочное политическое равновѣсіе.

Къ этой задачѣ должны сводиться главнѣйшія усилія тѣхъ, отъ кого будетъ зависѣть на будущемъ конгрессѣ опредѣлить результаты войны. Менѣе всего можно было бы смущаться въ данномъ случаѣ тѣмъ, что такое опредѣленіе ихъ, связанное съ внутреннимъ переустройствомъ го-

сударствъ и, прежде всего, Германіи, было бы, будто бы, несогласно съ тѣмъ общимъ правиломъ, что внутреннее свое устройство каждое государство опредѣляетъ само для себя, такъ что и теперешняя Германія Гогенцоллерновъ образовалась не волею другихъ государствъ, а своею собственной волею. Послѣднее несомнѣнно вѣрно, но столь же вѣрно и то, что Германія первой половины XIX вѣка получила свое рожденіе именно въ международноправовомъ порядкѣ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, ровно сто лѣтъ тому назадъ, такъ что „прецедентъ" въ этомъ отношеніи имѣется достаточно серьезный, чтобы именно общими усиліями всей Европы былъ установленъ на будущее время такой порядокъ, какимъ могло бы быть обезпечено возможно вѣрнѣе состояніе мира и культуры на прочной почвѣ той старой и вѣчно новой идеи политическаго равновѣсія, съ которою въ данный историческій моментъ можетъ счастливо совпасть достиженіе лучшихъ идеаловъ славянства.

III.

Было бы, конечно, трудно излагать здѣсь сколько нибудь подробно основанія той организаціи славянскаго міра, которая могла бы, давъ самостоятельную прочную жизнь славянству, послу-

жить вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшимъ оплотомъ противъ воинствующаго германизма и, значитъ, вѣрнѣйшимъ залогомъ длительнаго мира на почвѣ воплощенія идеи политическаго равновѣсія.

Поэтому, не останавливаясь совершенно на вопросѣ объ организаціи міра германскаго,—такъ какъ относительно него достаточно ограничиться упоминаніемъ, что онъ долженъ быть возвращенъ къ своему до-гогенцоллернскому состоянію, которое предполагается извѣстнымъ, — можно лишь намѣтить, въ общихъ чертахъ, основанія желательной будущей политической организаціи Славянства въ слѣдующемъ видѣ, сообразуясь, прежде всего, съ географическими условіями расположенія славянскихъ земель и съ тѣми возможностями, какія въ ближайшемъ времени должны и могутъ быть реально осуществимы, и избѣгая при этомъ той расплывчатости и неопредѣленности, которая представляетъ, къ сожалѣнію, общую черту большинства мечтаній о будущей возможной организаціи Славянства.

Географическими условіями положенія славянскихъ земель опредѣляются сами собою двѣ группы возможныхъ соединенныхъ славянскихъ образованій: сѣверная и южная. Не можетъ и не должно быть сомнѣній въ томъ, что внѣ союзныхъ соединеній нельзя вообще мыслить существованіе различныхъ ожидаемыхъ отъ рас-

паденія Лоскутной Монархіи отдѣльныхъ ея славянскихъ частей, которыя, въ противномъ случаѣ, были бы дѣйствительно лишь слабыми безсильными лоскутками въ общей ткани европейской и мировой политики. Правильнѣе всего было бы, если бы изъ нихъ образовались мѣстныя частныя соединенія, которыя въ совокупности своей составляли бы болѣе сильныя союзныя образованія, и уже въ этомъ видѣ соединялись бы, тою или иною связью, съ тѣмъ величайшимъ славянскимъ государственнымъ тѣломъ, какимъ является Россія. При этомъ только условіи легче всего достижимъ тотъ идеалъ единства во множествѣ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, является наиболѣе отвѣчающимъ фактическому положенію вещей, связанному, въ силу глубоко несчастныхъ для славянства данныхъ исторіи, бывшей для него до сихъ поръ всегда злою мачехой, со слишкомъ глубокими различіями во многихъ отдѣльныхъ единицахъ славянства, чтобы можно было мечтать о непосредственномъ общемъ ихъ сліяніи.

Несчастный примѣръ крушенія перваго опыта славянскаго союза между Сербіею и Болгаріею слишкомъ свѣжъ еще въ памяти, чтобы не ложиться тяжелымъ камнемъ на порогѣ плановъ о славянскихъ союзныхъ образованіяхъ. Но ураганъ исторіи подымаетъ и сбрасываетъ съ своего пути и не такіе камни, а тотъ короткій промежутокъ

времени, который прошелъ со дня крушенія упомянутаго опыта, стóитъ, самъ по себѣ, нѣсколькихъ столѣтій. И горе тому славянскому народу, который можетъ не понять значенія этого момента, если только дѣйствительно можетъ найтись между славянами такой народъ, — народъ, а не правительство, потому что „министры и правительства гибнутъ, а народы остаются“.

Подобно тому, какъ одно время политическая организація Германіи выражалась въ существованіи двухъ отдѣльныхъ крупныхъ союзовъ—сѣверогерманскаго и южно-германскаго, такъ и для славянства до нѣкоторой степени напрашивается само собою,—въ виду глухого почти ихъ раздѣленія венгерскою частью Двуединой Имперіи, которой, вѣроятно, суждено пережить свою австронѣмецкую половину въ качествѣ довольно крупнаго государственнаго тѣла, — образованіе двухъ отдѣльныхъ союзовъ: южно-славянскаго и сѣверославянскаго. Этотъ послѣдній долженъ заключать въ себѣ территоріально примыкающія къ Польшѣ Чехію и Моравію, съ присоединеніемъ къ нимъ земли Словаковъ.

Вопросъ объ южно-славянскомъ союзѣ, въ которомъ къ существующимъ уже на Балканахъ со времени Берлинскаго Конгресса самостоятельнымъ славянскимъ государствамъ примкнули бы, помимо возсоединенныхъ съ Сербіею Босніи и

Герцеговины, также и въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ Крайна, Далмація, Кроація и Славонія, въ значительной степени осложняется положеніемъ вещей, существующимъ въ отношеніяхъ между старшими членами этого будущаго южнославянскаго союза. Здѣсь не мѣсто касаться этихъ отношеній между Болгаріею и Сербіею по существу, но нельзя отрицать, что во всякомъ случаѣ въ настоящее время Сербія какъ бы отмѣчена историческимъ перстомъ уже въ силу одного того, что на ея долю выпало, въ совершающейся нынѣ исторической драмѣ, быть первою точкою приложенія силъ въ рѣшительной борьбѣ между германизмомъ и славянствомъ. Эта роль Сербіи настолько значительна, что, въ соединеніи съ „нейтралитетомъ", соблюдаемымъ Болгаріею въ тотъ часъ, когда рѣшаются судьбы всего славянства, уже въ силу одного этого едва ли возможны сомнѣнія по вопросу о томъ, кому будетъ принадлежать въ южно-славянскомъ союзѣ, если онъ образуется, хотя бы только нравственная гегемонія, даже и въ томъ случаѣ, если Болгарія перестанетъ когда-нибудь быть Koburg-land'омъ.

Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что южнославянскому союзу было бы правильно дать особо прочную спайку по той причинѣ, что тогда какъ Чехія и Моравія, черезъ Польшу, непосредственно примыкаютъ территоріально къ Россіи, къ кото-

рой, естественно, въ случаѣ опасности, обращаемы будутъ взоры славянства, южно-славянскій союзъ, отдѣленный отъ Россіи моремъ, долженъ имѣть политическую спайку достаточно прочную, чтобы въ случаѣ опасности продержаться до русской помощи. Поэтому, нѣтъ той жертвы въ интересахъ южнаго славянства, которой не должны были бы принести отдѣльные его члены, чтобы обезпечить возможно полную гармонію въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Судьба достаточно зло посмѣялась надъ „Царемъ" Болгаръ, лишивъ Болгарію осуществленія ея завѣтныхъ мечтаній какъ разъ послѣ того, какъ Кобургскій Принцъ счелъ необходимымъ облечь себя этимъ высокимъ Именемъ, которое, собственно говоря, должно было бы оставаться въ Славянствѣ единственнымъ. И когда, Богъ дастъ, Сербія получитъ, съ возсоединеніемъ съ нею Босніи, достойную награду за свою историческую роль, то яблоко раздора между нею и Болгаріею въ видѣ македонскаго вопроса должно для нея, быть можетъ, въ значительной степени утратить свое значеніе, особенно если когда-нибудь Болгарія станетъ ей братскою, славянскою страной не только въ лицѣ народа, но и въ лицѣ его Верховной власти.

Примѣръ Болгаріи въ этомъ послѣднемъ отношеніи является живымъ предупрежденіемъ о тѣхъ опасностяхъ, какія могутъ быть связаны съ не-

правильнымъ разрѣшеніемъ одного изъ важнѣйшихъ также при образованіи новыхъ славянскихъ государственныхъ тѣлъ, вопросовъ—о правителяхъ и о формѣ правленія. Съ одной стороны, въ большинствѣ изъ нихъ умерла самая память о прежнихъ національныхъ династіяхъ, а съ другой—едва ли могутъ быть основанія для повторенія опытовъ съ призваніемъ хотя бы и не нѣмецкихъ, само собою разумѣется,—принцевъ второстепенныхъ, чтобы не вызвать политическихъ страстей, европейскихъ династій. Существующія въ большинствѣ этихъ славянскихъ земель начала самоуправленія даютъ естественную почву для простого возведенія его со степени областного, не сувереннаго, на степень сувереннаго, государственнаго.

Россія должна явиться тѣмъ третьимъ членомъ въ обще-славянскомъ Великомъ Союзѣ, въ которомъ другими его членами будутъ отдѣльные союзы, сѣверо-славянскій и южно-славянскій. Въ какой именно степени должна быть установлена между ними связь, направленная, какъ и во всякомъ государственномъ образованіи, носящемъ въ юридической литературѣ названіе союза государствъ, прежде всего, на вопросы внѣшней политической жизни и военной обороны,—это, конечно, вопросъ, лежащій всецѣло въ области политики, для отвѣта на который каждый новый день можетъ накопить новый матеріалъ. Въ

какихъ именно формахъ должна выразиться эта связь, — это вопросъ, для отвѣта на который имѣется налицо большой матеріалъ въ научной литературѣ и въ исторіи организаціи германскихъ государствъ; этому поучиться у нихъ не стыдно. Въ наиболѣе общихъ чертахъ союзная организація должна выразиться въ томъ, чтобы связь между ея членами была такова, какъ между взрослыми братьями одной и той же семьи: самостоятельность каждаго у себя въ домѣ, и тѣснѣйшее единеніе всѣхъ при малѣйшей угрозѣ одному изъ этихъ домовъ со стороны.

У себя дома каждый изъ членовъ будущаго Великаго Славянскаго Союза долженъ имѣть всю полноту власти, и въ своей Думѣ, Скупщинѣ, Народномъ Собраніи, онъ будетъ рѣшать всѣ свои домашніе вопросы. А для обсужденія и рѣшенія дѣлъ общеславянскихъ долженъ существовать, на подобіе ли австро-венгерскихъ делегацій въ отношеніяхъ между нѣкоторыми отдѣльными членами этого Великаго Союза или же просто въ видѣ общей Думы или Собранія или Сейма, особый Союзный органъ, которому, кажется, сама судьба заранѣе опредѣлила его мѣстонахожденіе тамъ, откуда „есть пошла русская земля“, и гдѣ болѣе всего подходитъ слиться въ „славянскомъ морѣ“ мощнаго согласія не разъ скрещивавшимся между собою именно здѣсь бур-

нымъ потокамъ главнѣйшихъ славянскихъ державъ въ ихъ „домашнемъ старомъ спорѣ“. Конечно, едва ли есть, кромѣ Кіева, другой городъ во всемъ славянскомъ мірѣ, которому какъ по его географическому положенію, такъ и по историческому значенію, больше подходила бы та роль, какая въ Германіи принадлежала Франкфурту. И когда, въ стараніи прорвать умственнымъ взоромъ завѣсу будущаго, такъ страстно хочется рисовать себѣ картину Великаго Славянскаго Союза, едва ли можно себѣ представить эту картину гдѣ-либо живѣе, чѣмъ въ рамкѣ тѣхъ стѣнъ, вокругъ которыхъ когда-то шла упорнѣйшая борьба двухъ народовъ—виднѣйшихъ представителей двухъ различныхъ направленій славянской культуры, и гдѣ оставленные каждою изъ нихъ слѣды этой борьбы должны теперь слиться въ общеславянскомъ единеніи. И видится въ этихъ историческихъ стѣнахъ длинный рядъ представителей славянскихъ самостоятельныхъ государствъ во главѣ съ Царемъ—завершителемъ дѣла освобожденія Славянства, и слышится торжествующій благовѣстъ согласнаго единенія между ними, и такъ горячо, такъ страстно хочется вѣрить, что эта картина — не мечта, а свѣтлое, какъ мечта, будущее, уже недалекое въ переживаемый нынѣ грозный и великій историческій часъ.

---

19 Іюля 1914 года.

Пусть врагъ, всю правду попирая,
Несетъ всѣ ужасы войны,
Пусть намъ, отъ края и до края,
Всѣ жертвы крови суждены.

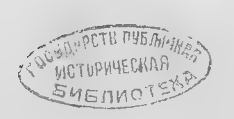
Пусть мы, съ собой не лицемѣря,
Войны тревогу сознаемъ,—
Но пусть, въ Россію, въ правду вѣря,
Мы въ правдѣ силы почерпнемъ.

Пусть всѣми нашими сердцами
Сольемся мы въ единый пылъ,
Пусть мыслью, словомъ и дѣлами
Мы создадимъ единство силъ.

Пусть каждый мигъ отнынѣ будетъ
Для насъ мечтой о славномъ днѣ,
Пусть цѣль—побѣду не забудетъ
Никто ни въявь и ни во снѣ.

За нами—правда, правда Бога,
За нами—вѣра, Русь и Царь,
Предъ нами—лишь одна дорога,
Впередъ, за братьевъ, какъ и встарь.

***

сѣверное море
о.Гельголандъ
Данцигъ
Гольштинія
Любекъ
Гамбургъ
Бременъ
Нидерланды
Амстердамъ
Гага
Ганноверъ
Брауншвейгъ
Магдебургъ
Берлинъ
Познань
Варшава
Вестфалія
Эссенъ
Антверпенъ
Бельгія
Ахенъ
Лейпцигъ
Дрезденъ
Силезія
Бреславль
Германія
Россія
Франкфуртъ
Прага
Чехія
Краковъ
Галиція
Львовъ
Сѣверо-славянскій союзъ
Словаки
Буковина
Лотарингія
Вюртембергъ
Баденъ
Баварія
Мюнхенъ
Вѣна
Австрія
Офенъ Пештъ
Венгрія
Трансильванія
Франція
Бернъ
Швейцарія
Женева
Италія
Миланъ
Туринъ
Венеція
Истрія
Краина
Кроація
Славонія
Бѣлградъ
Румыны
Бухарештъ
Валахія
Боснія
Сараево
Герцеговина
Далмація
Южно-славянскій
Сербія
Болгарія
Союзъ
Тырновъ
Софія
Черногорія
Адріатическое море
Средиземн. море
Марсель
Флоренція
о.Корсика

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Книжный магазинъ б. МЕЛЬЕ и К°.

Петроградъ, Невскій просп., 20. Тел. 12-14.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ВОЕННЫЙ

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ

съ приложеніемъ таблицъ германскихъ и австрійскихъ монетъ, мѣръ и вѣса.

Цѣна въ перепл. **45** коп.

СѢРАЯ КНИГА.

Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 г.

(24 іюля — 29 августа).

Цѣна **50** коп.

ОРАНЖЕВАЯ КНИГА.

СБОРНИКЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ ПЕРЕГОВОРОВЪ.

Переговоры отъ 19 іюля до 19 октября 1914 г. предшествовавшие войнѣ съ Турціею.

Изданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Цѣна **35** коп.

ПОДРОБНАЯ КАРТА

„РУССКО-АВСТРІЙСКІЙ ФРОНТЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ“

русская граница съ Германіей и Австріей отъ Пыздра (сѣвернѣе Калиша, на широтѣ Варшавы) до румынской границы, — охватывающаго южную половину Польши, часть Познани, Силезію, Богемію, Моравію и Галицію. **Масштабъ 16 верстъ въ англ. дюймѣ. Свыше 1300 назв.** (городовъ, деревень, поселковъ и проч.). **Цѣна 40 коп.**

Книжный магазинъ б. МЕЛЬЕ и К°.

Петроградъ, Невскій просп., 20. Тел. 12-14.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КНИГА ЛЖИ.

ГЕРМАНСКАЯ БѢЛАЯ КНИГА

о возникновеніи германо-русско-французской войны по представленнымъ Рейхстагу матеріаламъ (полный переводъ).

А. М. Горовцевъ.

Прив.-доцентъ Петроградскаго университета.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА,

СО СЛОВАРЕМЪ КЪ НЕЙ.

Цѣна **6** руб.

А. М. Горовцевъ.

ВОЙНА и ПРАВО.

(Законы и обычаи войны, съ приложеніемъ Гаагской Конвенціи 1907 года о законахъ и обычаяхъ войны и Лондонской Деклараціи 1909 года о правѣ морской войны).

Цѣна **80** коп.

ТИП. А. ЛАВРОВЪ и К°. ПЕТРОГРАДЪ, УЛ. ГОГОЛЯ, 9.